

С. В. АЛПАТОВ
(Москва)

«СОЛДАТСКИЙ ОТЧЕ НАШ»: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНОЙ САТИРЫ XVIII—XX ВВ.

Аннотация. Восточнославянский сюжет «Солдатский Отче наш» (СУС 1544С*) не имеет прямых аналогов в мировом фольклоре, хотя сатиры по образцу Молитвы Господней известны в Европе с XII в., а первый перевод пародического «Отче наш» был сделан в Москве уже в 1663 г. На протяжении XVIII—XX вв. рукописные и устные варианты «ныне употребляемых» сатирических «молитв» образуют самостоятельные типы текстов в субкультурах студенчества, чиновников, военных.

Ключевые слова: Народная Библия, сатирические памфлеты, устная и рукописная традиции, солдатская среда.

Представленные в отечественном указателе сказочных сюжетов под номером СУС 1544С* один белорусский и три русских текста «Солдатского Отче наш» создают иллюзию позднего происхождения и заведомой маргинальности исследуемого материала, что, на первый взгляд, подтверждается отсутствием прямых соответствий данного анекдота сюжетам того же типа (ATU 1544A* A Soldier's Riddle, ATU 1544B* The Troublesome Guest = СУС 1544D*, 1544E*), а также сюжетам-аналогам (ATU 1810 Anecdotes about Cathéchism) мирового сказочного фонда.

Вместе с тем, и число вариантов анекдота может быть увеличено¹, и его генезис отнесен вглубь отечественной истории, а социокультурные факторы сложения и эволюции данного типа текстов в России нуждаются в детальном анализе и интерпретации.

¹ В архиве кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова хранятся копии материалов Комплексной экспедиции Института истории искусств 1962 г. в Горьковскую обл., среди которых записи сказок, сделанные Н. И. Савушкиной в д. Михайловское Семеновского р-на от Алексея Сергеевича Снегова, 1897 г. р., в т. ч. и на сюжет «Солдатский Отче наш».

Кратко изложим содержание рамочной части сюжета, а затем процитируем текстовое ядро народного анекдота по неизданной рукописи из архива кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова².

Все варианты анализируемого народного анекдота начинаются с того, что генерал подслушивает жалобы вестового на свою долю: «Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша». В ответ на сомнения: «Что ты за умница такой, что у тебя разуму много?» — солдат утверждает: «Я на каждый вопрос могу отвечать и ни в чем не запнусь». На вопрос: «Почему мы Богу говорим Ты, а начальникам Вы?» — отвечает: «Вас, чертей, много, а Бог один!». На упрек: «Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, за это тебе грех будет» — возражает: «Никак нет, ваше привосходительство! Грех промчался, и правда сгорела, а правосудие утонуло на якорях, и у вас за неумную грамоту пузо лопнет». — «Хорош солдат на словах, а каков-то на деле?». — «А всё знаю, как хорошей подомарь, ваше привосходительство!» — «А если всё знаешь, дак прочитай мне салдатское “Отче”». — «Извольте слушать, ваше привосходительство. Рота в строй вступает, тягело вздыхает и говорит: “Отче наш”. Рота на плас выходит, ротного командира дожидается. Ротной камандир идет, и кричит, и рвется, глас раздаётся, как на небеси. В это время артельщики и кашевары муку, крупу крадут, а денежки в карман кладут. Это долги наши. “Несите палок и плетей для салдатских плечей!” Избави а нас от лукавого!». — «Молодец, солдат!». — «Рад стараться, ваше привосходительство». — «Вот тебе пять рублей на чай». — «Покорнейше благодарю, ваше привосходительство!». Я с такой радости иду домой, под собой ног не слышу. Прибежал я на

² Солдатский альбом Ф. Н. Семушина 1904—05 гг., обнаруженный в д. Ямская Гора Шенкурского р-на Архангельской обл. участниками диалектологической экспедиции МГУ 1997 г., включает солдатские песни, альбомные стихи, народные анекдоты, исторические документы времен русско-японской войны. Подготовлен к публикации И. Б. Качинской, А. В. Кулагиной и В. А. Ковпиком.

квартиру, стук кулаком по столу: «Ну, хозяйка, шевелись, и дубовый столик, становись! Бутылочки и стаканчики, ровняйся, а рюмочки, наливайся, большой пирог — шаг вперед, а маленькие — на месте, а вы, блины, справа, слева заходи, буду придензию опрашивать. Вилочки — на плечо, а ножки — слушай, на краул! А ты, казенный суп-прохвос, убирайся к едре матери в три приема и шагом марш, раз-два, раз-два.» (Скопир. из альбома Ф. Н. Семушина, с. 1—2, д. Ямская гора, Шенкурский р-н, Архангельская обл. 1997 г. [АКФ]).

Укажем общие черты известных нам вариантов сюжета:

- анекдот по происхождению — солдатский, его герой — вестовой (денщик);

- время активного бытования анекдота — начало XX столетия: Ф. Н. Семушин — участник русско-японской войны; по указаниям В. П. Бирюкова, уральский вариант записан около 1905 г. [Бирюков 1936, 254]; тамбовский сказочник Д. И. Чуриков комментирует: «денщик и генерал вдвоем разговор ведут, дело было перед революцией 1905 г.» [Тамбовский фольклор 1941, 192];

- структурное ядро анекдота — пародическое использование известного религиозного текста для целей социальной сатиры;

- сюжетное обрамление включает «цитаты»-реминисценции из других популярных произведений русской демократической сатиры XIX—XX вв.

Начиная с текстового ядра последовательно охарактеризуем генезис сюжетных компонентов народного анекдота.

Самый ранний отечественный вариант пародического использования молитвы «Отче наш» отмечен в составе известной «Службы кабаку» XVII в.: «Отче наш иже еси седишь ныне дома, да славится имя твое нами, да прииде ныне и ты к нам, да будет воля твоя яко на дому, тако и на кабаке. На печь хлеб наш да будет: дай же тебя, господи, и сего дни, и оставите должники долги наша, яко же и мы оставляем животов своя на кабаке, и не ведите нас на правед: нечего нам дати, но избавите нас от тюрьмы» [Библиотека литературы Древней Руси 2010, 382].

Оригинальный русский текст воспринимался широкой аудиторией как кошунство и словоблудие, а интеллектуальной средой как «лекарство» против грехов пьянства («трезвым на утверждение, а пияницам на посрамление») и духовной беспечности, уповающей на всепрощающее милосердие Божие³. Принципиальная разница в восприятии «Службы кабаку» рафинированными «верхами» vs обществом в целом обусловлена в значительной степени знакомством интеллектуальной «элиты» с западноевропейскими образцами *parodia sacra*⁴.

В пользу происхождения «Службы кабаку» из среды образованных клириков и писцов государевых приказов говорит факт обнаружения в делах Посольского приказа [РГАДА] перевода 1663 г. польской сатиры на короля Яна II Казимира:

*Отче наш кроле полскии Яне Казимере,
Светис имя твое, но в Швецыи*

кролевскою...

Приди лутче х королевству твоему

Свеискому,

А не делай гибели нашему Полскому...

О дабы воля твоя в Вандаlech была,

Где хлеба мало, а селдей великая сила,

Избавиль еси нас всех насущного хлеба,

Его ж комуждо из нас великая потреба...

Не веди нас на войну с шведы

со французами,

Доволно бо намъ с Московю дель

и с казаками...

Владей нами до воли Бога превысокого,

Принявъ паки в милость

пана Любомирского,

Но избави нас от Тынфа и от Боратына...

Аминь аминь любезныи государь,

Сей беде какъ скорее предварь

[Шамин 2011, 110].

Периодическое появление с середины XVII в. в составе заграничных «вестей-курантов» подобных сатирических памфлетов, их переводы и распространение в России⁵, несомненно, стимулировало и встречную экспансию отечественных традиций «бытового глума» в сферу формирующейся литературы нового типа⁶. Тем не менее, иных фактов

³ См. подробнее [Смех 1984, 20—21; Адрианова-Перетц 1934, 247; Живов 2009].

⁴ [Лотман, Успенский 1977, 157—158].

⁵ См. [Шамин 2007].

⁶ [Ромодановская 1994, 165—180].

подражания западноевропейским переделкам Pater Noster⁷ в России XVII — начала XVIII столетия не отмечено.

Следующий этап истории пародирования структуры Молитвы Господней в России связан с приписываемым М. В. Ломоносову переводом «Ныне употребляемого саксонских крестьян Отче наш»⁸. Объектом европейской сатиры на этот раз стал прусский солдат, разоряющий завоеванные территории. Помимо условно-общей солдатской топики исследуемый нами анекдот роднит с указанным памфлетом инициальная формула:

*Солдат скоро как в дом вступает, хозяина того призывает, **Отче**,*

*Имение и весь дом твой теперь стал не твой уж, а **наш**...* [Адрианова-Перетц 1936, 337];

*Когда солдат в строй вступает, то тяжело вздыхает и говорит: **Отче наш**...* (Зап. от А. С. Снегова, 1897 г. р., д. Михайловское, Семеновский р-н, Горьковская обл. Соб. Н. И. Савушкина. 1962 г. [АКФ]); [Бирюков 1936, 252; Тамбовский фольклор 1941, 192].

Десятки рукописных копий «Ныне употребляемого ... *Отче наш*» второй половины XVIII в. наряду с переводами новых версий пародических Vater Unser, посвященных Фридриху II, послужили стимулом к сложению на рубеже XIX столетия *панегирических*¹⁰ подражаний прусскому оригиналу: «*Великий государь, непобедимой **Отче наш**, император Александр I иже еси...*» [Адрианова-Перетц 1936, 341—343], а также «*Отче наш московскому генерал-губернатору*» («На щот Беклешова 1804 декабря 27 числа») [Андреев 1929, 159—160].

Однако наибольшей популярностью на протяжении всего XIX столетия пользовался «*Отче наш* (плач, молитва)

коллежских и титулярных советников неученых»:

*Государь! Мы, сыновья России, зовем к тебе **Отче наш**...*

*Рвением и трудами мы у тебя ссыкиваем **хлеб наш насущный**,*

*Состарелись в службе и ожидаем чинов, кои **даждь нам днесь!***

*А чему мы не учились и чего мы не умеем, в том нас прости и **остави нам долги наша!***

*Ведь просты предки наши были, не много учились и не все знали, **якоже и мы...***

И не вручи нас Профессорам во искушение...

[ИРЛИ 1810, 110б.].

В субкультурах чиновников и студентов наряду с разными версиями «ныне употребляемых Отче наш» получили распространение пародические «Символы веры», «Заповеди» и особенно акафисты: «Акафист президенту Академии наук» [ИРЛИ 1792, 127—129], «Акафист костромскому губернатору» [Адрианова-Перетц 1936, 362—364], «Акафист мировому посреднику» [Труды ОрУК 1915, 5—14], «Акафист председателю суда» [БАН 1860], «Акафист матери Кукурузе» [Лесков 1973, 86]. Однако очевидного влияния на изучаемый сюжет солдатского анекдота ни в плане топики, ни на уровне речевых формул эти тексты не оказали.

Гораздо ближе связь обличений командиров-чертей, поминутно требующих: «*несите палок и плетей для солдатских плечей*», с другой сатирой начала XIX в. — «Солдатская жизнь»:

Я отечеству защита,

А спина моя избита!

Я отечеству ограда,

В тычках, палках — вся награда!

Кто солдата больше бьет,

Тот чины здесь достает.

И старателен, хорош,

Хоть на черта он похож

[Гуковский 1933, 150]¹¹.

Адские мучения солдатской службы — общее место не только рукописной демократической сатиры, но и целого ряда жанров традиционного фольклора (пословицы, социально-бытовые сказки, солдатская лирика, исторические песни). На этом фоне особое

⁷ О европейской традиции сатир-пародий по образцу Pater Noster XII—XVIII вв. см. [Ilvonen 1914; Чернобаев 1936].

⁸ См. подробнее [Андреев 1929; Адрианова-Перетц 1936].

⁹ Здесь и далее выделено автором статьи.

¹⁰ Строго говоря, высокое значение *отцовской власти* «вязать и решить» не отрицается ни одной из отечественных переделок «Отче наш», совпадая с общефольклорными стереотипами *царя-батюшки, грозного, скорого на гнев, но справедливого*.

¹¹ О распространении сатиры «Солдатская жизнь» на Русском Севере см. [Савельев, Савельева 2006, 133—135].

значение имеет совпадение образов и формул рамочной части анализируемого солдатского анекдота и такой популярной сатиры XIX — начала XX в., как «Газета ада»:

«Всегда ту приятно для ада, какая будут грешны(м) от сатаны награда: в бесконечные веки не будет душам их отрады. Нынешний век зри всяк человек: грег уж скончался, а истена похрамела, любовь простудою больна, честность и верность в отставку вышла, вера ушла в пустыню, совесть попрана ногами, милосердие человеческое опанкрутилось, благоденствие ходит по миру, терпение скоро лопнет, ложь ныне присудствует, гордость с попами и дяконами и монахами познакомилась, тщеславие игуменствует, братоненавидение економом поставлено, сребролюбие казнохранителем избрано...» [ГАТО 117—117об].

Сравните:

«Грех скончался, правда сгорела, добродетель на муку ходит, вера в Ерусалиме, закон у солдата на пуговицах висит, надежда — якорь на дне моря, и терпение скоро лопнет (Зап. от А. С. Снегова, 1897 г. р., д. Михайловское, Семеновский р-н, Горьковская обл. Соб. Н. И. Савушкина. 1962 г. [АКФ]);

«Грех скончался, правосудие сбегало, добродетель ходит по миру, закон есть на пуговице солдатской, вера — в Иерусалиме, верность на аптекарских весах, надежда на дне с якорем в море и терпение скоро лопнет» [Тамбовский фольклор 1941, 192];

«Грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, роскошь под арестом, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря, да и терпение скоро лопнет» [Бирюков 1936, 252];

«Грэх сканчауся, прауда памерла, совесць ахрыпла, слых алох, благодзеяние міластыню пітаецца, правасуддзе пад арэстам сядзіць, нявіннасць у катаржанай рабоце, вера у Ерусалиме, любоу у моры з якарам, цярпенне адно асталося і то скоро лопне» [Белорусская народная творчасць 1976, 202].

Т. Шиман в качестве первоисточника данного текстового фрагмента цитирует «написанный в Москве и ходивший в 1806 г. по Петербургу» листок:

«Грех умер, право сожжено, доброта сжита со света, искренность спряталась, справедливость в бегах, добродетель просит милостью, благотворительность арестована, отзывчивость в сумасшедшем доме, правосудие погребено под развалинами права, кредит обанкротился, совесть сошла с ума и сидит на весах правосудия, вера осталась в Иерусалиме, надежда со своим якорем лежит на дне морском, любовь от холода заболела, честность вышла в отставку, кротость заперта за ссору на съезжей, закон висит на пуговках у сенаторов, и терпение скоро лопнет» [Шиман 1908, 37].

Бытование данного текста в разных социокультурных средах — старообрядческой, разночинно-интеллигентской, солдатской — обуславливает перефразирование и переосмысление ключевых символов памфлета, усиливающих то духовно-религиозную, то бытовую (вещно-физиологическую), то гражданско-административную составляющую сатиры:

«надежда-якорь», удерживавшая мир-корабль vs «любовь у моры з якарам» (утопла);

«любовь охладела» vs «любовь простудою больна» (насморк ~ венерические болезни);

«закон на пуговицах сенаторов» (олигархия¹²) vs «закон на пуговицах» (застегнут-заперт) vs «закон на пуговицах солдат» (порядок держится на военной силе);

«ложь присудствует» = восседает в суде, в присутствии¹³.

Переходя к вопросу о роли воинских уставов в формировании топики и стилистики «Солдатского Отче наш», укажем на феномен использования текста молитв в караульной службе XVIII в. Вот пароли и лозунги, отданные по Семеновскому полку в течение недели, с 19 по 25 октября 1722 г.:

Октябрь 19. Имя — Твое.

Октябрь 20. По всей — Вселенной.

¹² В 1801 г. для мундиров Правительствующего Сената были введены позолоченные плоские пуговицы с изображением колонны, на которой на особом щитке помещалась надпись: «ЗАКОНЪ».

¹³ Ср. «а ложь ныне присутствует и игуменствует» [БАН 1893, 1], «ложь ныне присутствует в судопроизводстве» [Рождественский 1909, 93].

Октябрь 21. Яко — Ты.
Октябрь 22. Един — Бог.
Октябрь 23. Всемогущий — Всесильный.
Октябрь 24. И несть — Иного.
Октябрь 25. Разве — Тебе
[История 1852, 231].

Подобно тому, как структура общеизвестных религиозных текстов может «остраняться» для сугубо технических нужд гарнизонной службы¹⁴, тексты вызубренных наизусть строевых уставов подвергаются пародированию первоначально в прикладных, а затем и в эстетических (смеховых) целях.

Так, «Древний воинский артикул», возникающий в первой половине XVIII в. в качестве приспособленного для новобранцев («сено — солома») варианта строевой «экзерции»¹⁵, к 1780-м гг. приобретает статус сатиры на бессмысленную муштру вообще:

1. *Слушайте, ребята-молодцы!*
 2. *Фурни пасть на лапасть!*
 3. *Виль бухальцомъ на сторожу!*
 4. *Торни к ноге дюжо!..*
 56. *Фурни впередь!*
 57. *Виль на сторожу!*
 58. *Бухальцом подь мышку!*
 59. *Ступайте, ребята, домой, ешче гущу!*
- [БАН 1790, 19].

Оружие-«бухальцо», которым «виляют на сторожу» и берут «под мышку», чтобы идти домой хлебать гущу, несомненно, послужили отдаленным прототекстом финала «Солдатского Отче наш» Ф. Н. Семушина:

«Бутылочки и стаканчики, ровняйся, а рюмочки, наливайся, большой пирог — шаг вперед, а маленькие — на месте, а вы, блины, справа, слева заходи, буду придензию опрашивать! Вилочки — на плечо, а ножки — слушай, на краул! А ты, казенный суп-прохвос, убирайсе к ед-рене матере в три приема и шагом марш, раз-два, раз-два!» (скопир. из альбома

¹⁴ По сути, мы имеем дело с «обращением» традиционной мнемотехники в поздних ритуализованных контекстах. Ср.: «Изучающие Веды упражняются в разрушении порядка текстов, рецитируя их задом наперед, разбивая последовательность строф или элементов строфы, тем самым они пытаются не позволить смыслу увлечь себя и избежать соблазна заменить какое-нибудь слово его синонимом» [Маламуд 2005, 332].

¹⁵ См. [Костючук 2006, 54—59].

Ф. Н. Семушина, с. 1—2, д. Ямская гора, Шенкурский р-н, Архангельская обл. 1997 г. [АКФ]).

Посредником между рукописными традициями двух веков могли послужить не только солдатские записные книжки, но и комические монологи солдатских театральных постановок XVIII—XIX вв.:

*Ибо я сам воин, знаю, как баталию дати,
И как неприятеля своего с поля*
избивати...

*Всякому пирогу главу усекасти.
А иных с лепешками в полон позасылаю,
А болишие пироги все в кондалы*
позабиваю...

*Изволте толко в руки мне подати,
Будут в руках моих как мыши пищати*
[Пьесы 1976, 547—548].

История отечественных пародических текстов, построенных по модели Молитвы Господней, была бы неполна без современных реплик этого жанра. В солдатских записных книжках и дембельских альбомах, а следом и в Интернет-сообществах бывших сослуживцев тиражируются то дословно копируемые, то записываемые по памяти, то цитируемые к слову по рифмованному двустичию тексты «Отче наш — солдатский!», «Молитва суворовца», «Молитва дембеля»:

*Унаси меня Бог:
от ночных тревог,
от подъема раннего,
от крика дневального,
от солнечного затмения,
от командира отделения,
от подруг заочных,
от старшин сверхсрочных,
от овса и от перловки,
от строевой подготовки,
от зарядки физической,
от атаки химической,
от врачей санчасти,
от всякой напасти,
от грозных разрядов,
от внеочередных нарядов.*

Аминь (Скопир. из альбома 1996—1999 гг. Д. В. Словьева, 1982 г. р., курсанта Тверского Суворовского военного училища. 2004 г. [АКФ])¹⁶.

¹⁶ Ср. «Святая мать Демобилизация! Спаси меня от подъема раннего... От старшины беса, от пайки-недовеса...» [Актуальные проблемы 2002, 202—203].

Характерна общность топики тяжелой солдатской службы и ряда конкретных образов: *строевая муштра, тревоги, крики, грозные разряды* (?!), *командиры-бесы, овес-недовес* — сегодняшних и классических пародийных «молитв» и «акафистов», при очевидном несовпадении их словесного формуляра (за исключением зачинов и финалов: *святая мать Кукуруза / святая мать Демобилизация — Аминь*), что может быть объяснено логикой известной максимы советского времени: «Устав вы должны знать как *Отче наш*, а *Отче наш* вы знать не должны».

Подводя итоги, подчеркнем следующие принципиальные моменты.

Генезис восточнославянского народного анекдота «Солдатский *Отче наш*» обусловлен переводами ряда европейских сатирических памфлетов XVII—XVIII столетий, пародирующих структуру Pater Noster. Однако и рукописные, и устные версии анекдота существенно дистанцированы от импортных моделей. В гораздо большей степени своей топикой, образностью и стилевым формуляром они обязаны таким отечественным произведениям демократической сатиры, как «Солдатская жизнь», «Газета ада», «Древний воинский артикул».

Рукописные варианты «Солдатского *Отче наш*» нередко используют жанровую модель народных анекдотов о ловких людях и ловких ответах: солдат «вывернулся» и вознаграждается восхищенным начальством («*Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил*» [Бирюков 1936, 254]), тогда как устные версии зачастую усиливают сатирическое звучание:

«Генерал смотрел на солдата сурово, а солдат и говорит:

— Не дай бог такого другого, да избави меня от тебя как от лукавого» (Зап. от А. С. Снегова, 1897 г. р., д. Михайловское, Семеновский р-н, Горьковская обл. Соб. Н. И. Савушкина. 1962 г. [АКФ]).

И в рукописных сборниках (архангельский, уральский варианты), и в устных контекстах (тамбовская и белорусская записи) «Солдатский *Отче наш*» соседствует с сюжетом СУС 1613

«Карты мой календарь и молитвенник», имеющим сходную вопросно-ответную структуру и религиозную топику; как правило, эти тексты *открывают* солдатские рукописные альбомы в качестве поздних и обращенных реплик «космологическо-катехитического» жанра¹⁷.

Проведенное исследование генезиса и эволюции народного анекдота «Солдатский *Отче наш*» позволяет отчетливее представить формы и факторы развития такого аспекта «народной Библии», как пародическое использование структуры общеизвестных религиозных текстов.

Литература

Актуальные проблемы 2002 — Дианова Т. Б., Ковтик В. А., Чеканова А. В. Письменные формы фольклора // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. I. М., 2002. С. 196—205.

Адрианова-Перетц 1934 — Адрианова-Перетц В. П. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 171—247.

Адрианова-Перетц 1936 — Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII — начала XIX в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 335—366.

Андреев 1929 — Андреев Н. П. «Отче наш» и общественно-политическая сатира // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете им. В. И. Ульянова-Ленина. Т. XXXIV. Вып. 3—4. Казань, 1929. С. 155—160.

Библиотека литературы Древней Руси 2010 — Библиотека литературы Древней Руси. XVII в. Т. 16. М., 2010.

Белорусская народная творчасьц 1976 — Беларуская народная творчасьц. Т. III. Сацыяльна-бытавыя казкі. Скл. А. С. Фядосік. Мінск, 1976.

Бирюков 1936 — Дореволюционный фольклор на Урале. Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936.

Гуковский 1933 — Гуковский Г. А. Солдатские стихи XVIII в. // Литературное наследие. Т. 9—10. М., 1933. С. 112—152.

Живов 2009 — Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества //

¹⁷ О месте и роли «классифицирующих» текстов в жанровой сетке фольклора и литературы см. [Лотман 1970, 280—287], об архетипической основе этого типа текстов см. [Топоров 2009, 210—217].

Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 5—26.

История 1852 — История лейб-гвардии Семеновского полка 1683—1854. Ч. 1. Царствование Императора Петра Великого 1683—1725 / сост. лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан Карцов. СПб., 1852.

Костючук 2006 — Костючук Л. Я. Регионализмы в воинском документе прошлого // Русское слово в историческом развитии (XIV—XIX вв.). СПб., 2006. Вып. 2. С. 54—59.

Лесков 1973 — Лесков Н. С. Печерские антики // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1973. Т. 4. С. 82—169.

Лотман 1970 — Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

Лотман, Успенский 1977 — Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148—166.

Маламуд 2005 — Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в Древней Индии. М., 2005.

Пьесы 1976 — Пьесы любительских театров / под. ред. О. А. Державиной. М., 1976.

Рождественский 1909 — Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909.

Ромодановская 1994 — Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.

Савельев, Савельева 2006 — Савельев А. А., Савельева Н. В. «Я солдат, не богослов...» (солдатская служба XIX — начала XX вв. в письмах, заметках и воспоминаниях пинежских крестьян) // Фольклор, постфольклор, быт, литература. Сб. статей к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 131—149.

Смех 1984 — Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понирко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Тамбовский фольклор 1941 — Тамбовский фольклор / ред. и предисл. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941.

Топоров 2009 — Топоров В. Н. Ведийская космологическая загадка типа brahmodya: структура, функция, происхождение // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3. Кн. 1. М., 2009. С. 205—246.

Труды ОРУК 1915 — Труды Оренбургской Ученой комиссии. Т. 22. Оренбург, 1915.

Чернобаев 1936 — Чернобаев В. Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 255—334.

Шамин 2007 — Шамин С. М. К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия //

Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 42—59.

Шамин 2011 — Шамин С. М. Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1. С. 107—111.

Шиман 1908 — Шиман Т. Александр И. СПб., 1908.

Iivonen 1914 — Iivonen E. Parodies de thimes pieux dans la poësie franzaise du Moyen Age. Pater Noster — Credo — Ave Maria — Laetabundus. Helsingforce, 1914.

Сокращения

АКФ — Архив кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова.

БАН 1790 — Отдел рукописей Библиотеки РАН СПб. 16. 9. 4. Сб. 1780—1790-х гг. Рукопись.

БАН 1860 — Отдел рукописей Библиотеки РАН СПб. 15. 1. 94. 1860-е гг. Рукопись.

БАН 1893 — Отдел рукописей Библиотеки РАН СПб. 28. 2. 181. Сб. 1890-х гг. Рукопись.

ГАТО — Отдел рукописей Государственного архива Тверской области. Ф. 1409. Оп. 1. № 865. XIX в. Рукопись.

ИРЛИ 1792 — Отдел рукописей ИРЛИ РАН СПб. Ф. 265. Оп. 3. № 9. «Книга называемая когда что попалося». 1792 г. Рукопись.

ИРЛИ 1810 — Отдел рукописей ИРЛИ РАН СПб. Ф. 265. Оп. 3. № 13. Сб. 1810 г. Рукопись.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

ATU — Uther H.-J. The Types of International Folktales. Part 1—3. Helsinki, 2004. (Folklore Fellows Communications. Vol. 133—135. № 284—286).

Summary. Well-known on the Russian North from the begining of XX century «Military Pater Noster» folk tale has no exact equivalent in Europe, though the pattern of parodic Pater Noster was imported into Russia in the 1660-s from Poland. During the last three centuries Russian military subculture has formed its own oral and hand-written traditions of «nowadays Pater Noster».

Key words: Folk Bible, satirical pamphlets, oral and hand-written traditions, military subculture.